

КУЛЬТУРА

ЭКЛОГА ЗИМНЯЯ (Гринич-Виллидж)

Мы здесь гуляли без него, а холод в Нью-Йорке собачий

Марина Кудимова

Время

УПРОМ Сапфир сказал: «Ветак я познано Иосифу». Тот, кто носил имя мальчика, избитого братьями и проданного в рабство из зависти к разноцветному платью, умер ночью. Накануне мы летели в Нью-Йорк, непонятно, то ли теряя, то ли наращивая время, и пили джин, чтобы не утерять газом этого времени. «Нет, — сказала Сапфир, — он на меня не повлиял». А он — он был жив, говорил по телефону. Чувствовала себя хорошо. Так и определили потом знающие люди: «Он хорошо себя чувствовал».

Вечером в маленький театр в Чесли, где проходила очередная акция фестиваля, на который нас пригласили, вошла Юра Милославский, похожий на капеллевого полковника. Мы обнялись. Он сказал: «Бродский умер». Я сказала: «Бродский умер». Он сказал: «Бродский умер». Я сказала: «Бродский умер». Он сказал: «Бродский умер».

Поминальные речи смешны и нелепы. Дочитана последняя страница, книга захлопнулась. Точка, восклицательный знак, многоточие в конце — каждому свое. Дело остающихся — объяснить, определить и объявить. Все, что касается Иосифа Бродского, — по меньшей мере интересно. По большому счету — необходимо. И так, судьба, стихи, Нью-Йорк, только что потерявший своего великого жителя. Россия... Россия, как всегда, повезло — она осталась родиной великого поэта.

потом. Мы жили такую разную жизнь и писали такое разное в стихах, чтобы — из всех возможных вариантов и комбинаций — соединили на пути в Гринич-Виллидж, «покойная жизнь одна». Он нас не полюбил. В кафе «Энивей» на углу авеню и стрита, образующих перебор, — 2 и 2 — где собирается русская бестемная богема, никто ничего не знал, судили и ели пельмени. Рядом сидел мальчик, похожий сразу на Пушкина и Пастернака таинственным соединением двух симметрических ветвей, и нельзя было оторваться от палочки, переходящего в губы профиля. Он сказал: «Хадиз — это конец света». Знание, настоявшее заградной болью, от которой, очевидно, и умирают по ночам, требовало вы-

Бродячая собака

Последний импрессиарио

В РОССИЮ на несколько дней прибыл известный американский продюсер Натан Слезингер, уроженец Москвы, ныне живущий в Бостоне. Ему выпало счастье, по его собственным словам, заниматься организацией последних поэтических вечеров Иосифа Бродского в Америке. В декабре 1994 года поэт обратился к Слезингеру с просьбой помочь ему. До этого они встречались в знаменитом нью-йоркском ресторане «Русский самовар», где обычно собираются артисты, художники, поэты. Свой пай в «Самоваре» был у Бродского, Михаила Баршневича и многих известных людей из русской эмиграции. «Нелы не улетели, всадник не укасал. В койфене «Янукуму» новое кодро ботат на прехней фене. Тая в стакане, лед позволяет дважды вступить в ту же самую воду, не утлая жажду».

ИОСИФ ПРЕКРАСНЫЙ

Если вычтеть человека, останется Поэт

Олеся Николаева

Часть речи

ИОСИФ БРОДСКИЙ был первым среди нас, поэтом из поэтов, но он же был и последний: после него оканчивается эпоха, и захлопываются ворота. Поэзия XX века превращается в ряд статей, вроде тех, белеющих вдоль аллеи Люксембургского сада, где подставляет дождю и солнцу точеный мрамор Мария Стюарт. Теперь и мы не можем сказать поэту ничего, кроме «Приветствую тебя...», как и он говорил некогда бюсту Тиберия.

Воскресения Христова, радости, совлекшей оплаканные пелены трагедии. Ни радости, ни ликования. Слово поэт умирает, так и не дожив до Последних Собятий, и апостолы с их благовестием заступают лишь свежее его могилу. Поэзия, как религия и философия, начинается с ощущения смерти, ее присутствия возле... Человеческая история рождается с трозных слов Творца Адаму: «ибо прах ты, и в прах возвратишься». Исторического человека мы застаем уже вне райских врат — копящим землю и разводящим скот: добывающим хлеб в поте лица своего. Жизнь отныне протекает на фоне небытия. Изнанка ее подбита смертью.

РЫЖИЙ ВОРОН

Кроме страха перед дьяволом и Богом, существует что-то выше человека

Лев Аннинский

Сюжет

Не ваш, но и ничей. Иосиф Бродский

3 марта 1984 г. Выступления в Галерее Нахамкина.

В ГАЛАКТИКЕ слов (частей речи), оставленных Иосифом Бродским, три — ключевые: холм, ворон и пыль. Холм — единственно приемлемый вариант поверхности. Равнина убийственна. Горы — та же плоскость, вставшая на дыбы. «Жизнь — холмы, холмы...» Птица — единственно приемлемый вариант живого: пернатое, в воздухе. От ястреба до малиновки. Но чаще всего — ворон. Черный ворон на белом изоляторе столба. О самом поете и бы сказал: белый ворон на черном фоне топы... Или: рыжий ворон. То есть: отпущенный индивидуальное толка, в противовес типовому отпущенству «белых ворон». Хотя в палитре Бродского цветные пятна заметны. Черное и белое. А в точке их встречи и взаимоуничтожения — серое.

Но если все есть «форма», то «содержания» нет и быть не может. Содержание жизни — ноль, ничто, пустота. Тело — ступок пустоты. Пустота — подлинник, с которого копируется существование. Присутствие равно отсутствию. Суша — эпизод воды, которой больше, а вода — эпизод чего-то, чего еще больше, чем вода. Воздух — вещь языка. Речь — свисток звука. Смысл — инобытие бессмыслицы. Смысл и бессмыслица — равны. Опять-таки: с точки зрения житейской логики — абракадабра. Но с точки зрения жизненной абракадабры — поэзия.

Пыль — атрибут вещи, цвет вещи, бытие вещи. А вещь? А вещь — бред пространства и времени. Бред, который и есть жизнь.

этической речи. Вернее, это делает Поэзия в целом. Станет или не станет «речь» Бродского таким «универсальным случаем» самовосстановления духа, для которого Пушкин окажется «частным случаем» (как Эвклид для Лобачевского, Ньютон для Эйнштейна), — это как раз и решит история. Заодно она решит смутный сегодня вопрос о генальности: теория — понятие ситуационное, он виден только на расстоянии, тогда как великого поэта видишь «уплор». Во всяком случае, все может быть. Бродский демонстрирует выживание духа в тотально гибельных условиях, он вспускает эту смертельную тотальность вглубь души — внутри речи — в центр стиховой ауры. Отсюда и его тотальное «нет» ВСЕМУ, с чем входит в эту ауру реальность.

Классический Бродский. Мимо вещей — в пространство, вытесненное вещью. Мимо звука — в немолчу, вытесненную звуком. Пространство «вперед» смешивается с пространством «за кормом». «Между шагами тишина» сообщает шагам смысл. Движение есть отрицание близости, бездальности — отрицание движения. И то, и другое — явления «чего-то», что не является ни тем, ни другим, но как бы суммой того и другого.

Или: «Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

Время тягастся с Пространством. Пространство — вещь. Пространство же, в сущности, мысль о вещи.

Секрет объяснения поэзии Бродского, столь узнаваемого в каждом повороте стиха, столь легкого для внешнего подражания и столь невоспроизводимого во внутреннем дыхании, — не в той философской схеме, которую я тут вычленил и которую действительно ничего не стоит спародировать, но в соотношении, сохраняющей, со-творенной схемой с вещевым значением. Если бы содержание этой поэзии сводилось к шестивому номеру реальности, единственным финалом ее должна была бы стать немолта. Но смысл действия не в отказе от мира, а в непрерывном контакте души с тем миром, от которого она отшатывается.

Жизнь — форма времени. Карл и лещ — ступки его. И товар поклеще — ступки. Включая волну и твердь суши. Включая смерть. О смерти — чуть позже, а сейчас — о жизни как «форме» времени или «форме» чего-либо другого. В поэтическом мире, где все явление плывет, испаряется, исчезает и вновь неожиданно концентрируется, «форма» — универсальная категория: она позволяет превращать все во все. Ужас — форма жизни духа. Градующая — форма тьмы. Снег — форма света. Ветра — форма бессонницы. Топла от формы бессонницы. Топла от Пластические характеристики, рождающиеся из этой игры формы и бессонницы, по-своему изысканны. Например: «Твое поклеши на док». Или: «Простор важней, чем всадник: переиди по простор не отпахивай от загни». И даже форма: «Скулы пространства... есть форма татаря». Не будем относиться к этой последней характеристике как к национальной: это все же перетекание бытия из формы в форму.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

Смысл перетекания: ничего реального нет, все это только формы, и потому все мнимое: Бюстье есть форма небытия.

«Бог — не природа... Бог и не совесть». А что же все-таки? «Он — их творец». Иными словами: та самая первопричина, которая находится у Бродского в неразрывной тяге со следствиями. С точки зрения

Бродячая собака

Последний импрессиарио

логика, да и философия, — все тот же тавтологический гулли. Стойки зрения поэзии — выход: мучительное равновесие, побуждающее к непрерывному тревожному вопрошанию вроде молитвы и к непрерывному подтверждению бытия вроде благодати.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

Бродячая собака

Последний импрессиарио

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

Бродячая собака

Последний импрессиарио

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

«Мать говорит Христу: Ты мой сын или мой Бог? Ты пришел к кресту. Как я пойду домой? Как ступлю на порог, не узнав, не решив: ты мой сын или Бог? Ты есть мертв или жив? Он говорит в ответ: — Мертвый или живой, различия жено, нет. Сын или Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо от того, Бог или не Бог, жив или не жив. «Я твой» — независимо НИ ОТ ЧЕГО. Какое чистое тремоло. Какой очищающий шок.

Похоронный дом на Бликер-стрит, 199, где проходило прощание. Съемка внутри была запрещена.

те самые, что засеяли в «грязном трактуре». О чем они будут вести разговор? Да о том, «ест ли бессмертия», а те, которые веруют, и социализме речь поведут и как переделать мир по своему аршину. Ибо это есть «истинно русский вопрос». Представим сегодня этого «русского мальчика» — зачем сказать его в грязный общепитовский трактир? На Тверской-Ямской есть хорошие рестораны, и не только там «русских мальчиков» (а также еврейских, армянских, прочих) найти можно. И в Чикаго, и в Нью-Йорке, и в Париже, и на Лазурном берегу. И засеял они не в грязном трактуре, а в светлом зале, за икоркой и десертом, и повеяли разговор.